

ИГОРЬ ФЁДОРОВ

Чудес никто не отменял

РАССКАЗЫ

Игорь Фёдоров Чудес никто не отменял. Рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27809435
ISBN 9785449006127*

Аннотация

В настоящий сборник вошли восемь разноплановых рассказов, немного вымышленных и почти реальных, предназначенных для приятного времяпрепровождения читателя.

Содержание

Ловец мечты	5
Серое детство	17
На обочине	27
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чудес никто не отменял

Рассказы

Игорь Фёдоров

© Игорь Фёдоров, 2021

ISBN 978-5-4490-0612-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ловец мечты

Рабочая неделя подошла к концу, настали долгожданные выходные, и я с семьей поехал на дачу. Не скажу, что я очень большой любитель дачного сезона. Родился и вырос в городе, и ни к земле, ни к природе меня никогда не тянуло. Да и часовая тряска в автобусе по пыльной дороге не делала посещение дачи более привлекательным. Но мои дети любили носиться, как угорелые, на свежем воздухе, забросив, что удивительно, свои планшеты и электронные игры. Поливкой и прополкой грядок занималась жена и меня к этому категорически не подпускала. Мои функции, как мужчины, сводились к выполнению тяжелой, но не постоянной работы. Такой, как посадка и выкапывание картошки, колка дров для костра, починка перекошенного забора и чтение газеты в гамаке в тени нашего домика. Ну и, конечно, рыбалка.

Дачный пруд со всей своей живностью располагается в пятнадцати минутах ходьбы от нашего кооператива через цветущее и жужжащее поле. Хорошо протоптанная тропинка провожает людей прямо к водоему. Сам пруд с одной стороны окружен молчаливыми ивами, в тенистых зарослях которых и сидят с удочками все наши рыбаки. С другой стороны пруда начинается сосновый бор. Из-за высоких деревьев с любопытством выглядывают белки и зайцы. Здесь уже начинается царство грибников, собирателей ягод и прочих лю-

бителей халявы, так как это место всегда было щедро на подножный корм. Выйти оттуда с пустыми руками может только очень ленивый человек. Даже дети возвращаются с таким количеством полевых цветов для мам и бабушек, что их самих не видно из-за огромных букетов.

Я прошагал вдоль берега, покрытому ивняком, в поисках хорошего места.

– Не помешаю? – обратился я к молодому парню в брезентовом костюме, деловито смотрящего на качающийся на волнах поплавок.

– Прошу, располагайтесь, – он гостеприимно указал на место возле себя.

Пока я приготавливал снасти, парень резко подсек удочкой, и из воды вылетела красная рыбка с синими полосками на спине, надежно удерживаемая крючком.

– О-па! – воскликнул парень радостно, – Есть!

Я с любопытством посмотрел на улов.

– А вы уверены, что здесь водится такая рыба? – с сомнением спросил я его, потому что рыба была явно неместной.

– А это не рыба, – заявил парень.

– Да что вы говорите? – еще больше удивился я.

– Это мечта.

Я внимательно посмотрел на него.

– Так вы, значит...

– Ловец мечты, – закончил парень фразу.

Он пытался выглядеть скромнее, но у него это абсолютно

не получалось. Его прямо распирало изнутри от гордости. Оно и понятно – молодость.

Я несказанно обрадовался.

– А я, признаться, первый раз вижу представителя вашей профессии.

Парень от смущения покраснел, как только что пойманная им мечта.

– Да вот... Работаем...

– И ни выходных, ни проходных? – поинтересовался я.

– Два дня в неделю, как и положено. Плюс первое и второе января, – ответил ловец мечты, – и на день рождения, но надо заранее договариваться.

– Платят?

– С этим у нас стабильно.

– А сколько, если не секрет?

– Информация строго конфиденциальная.

– На жизнь хватает?

– Хватает, – кивнул парень, – и даже немного остается.

– Наверно, нелегко такую должность получить, – продолжал я расспрос, – очень уж редкая.

Он махнул рукой, показывая как все это, ой, как нелегко.

– Проще в лотерею выиграть миллион.

– Долларов?

– Ну не настолько, конечно, – усмехнулся парень, – рублей. Но все-таки...

Мой поплавок, наконец-то, плюхнулся в воду и закачался,

как голова китайского болванчика. Какое-то время мы были поглощены созерцанием наших поплавков. Поодаль купались дети. Погода стояла отличная, настроение приподнятое.

– Есть! – крикнул парень, подсекая очередную мечту.

Если бы все работали с таким воодушевлением...

Эта мечта была желтой, с яркими оранжевыми поплавками и чуть больше предыдущей.

Ловец отцепил ее от крючка, внимательно осмотрел, улыбнулся и бросил обратно в воду.

– А это вы зачем сделали? – недоуменно поинтересовался я.

– Это полезная мечта, – с какой-то нежностью ответил парень, – я бы даже сказал, необходимая.

– А они, значит, как-то распределяются?

Все! Попался! Ловец мечты нашел благодарного слушателя, который ведет разговор не из праздного любопытства или от скуки, а с искренними серьезными намерениями. Которому действительно ИНТЕРЕСНО. Такие собеседники, как я, тоже не часто встречаются, как и сами ловцы мечты. У него загорелись глаза, улыбка расплылась до ушей.

– Еще как распределяются, – с азартом начал он, – вот, спрашивается, для чего мы нужны?

Он вопросительно на меня посмотрел.

– Для чего? – с готовностью спросил я.

– Что бы распознавать конструктивную мечту от беспо-

лезной фантазии. Отсекать всякие там «вот если бы у меня было то-то...», или, например, «если бы я умел это...» от таких, как «а что будет, если мы возьмем...?», или «а как бы сделать так, чтобы...?». Улавливаете?

– Более-менее.

– Мы занимаемся тем, что забираем у людей бесплотные или опасные мечты, которые отвлекают от более важных дел, могут повредить здоровью и жизни.

– Опасные, понятно. А бесплотные мечты все забираете?

– Нет-нет, – замахал парень головой, – полностью лишать людей сказки мы тоже не намерены, это было бы неправильно. Но большую часть, все же, приходится конфисковывать, для их же блага.

– А можно пример? – спросил я.

– Пожалуйста, – кивнул парень, – только что отпущенная мной мечта принадлежит двенадцатилетней девочке. Январская, волосы светлые, любит рисовать. В этой мечте она видит себя невестой в прекрасном шикарном белом платье, самой красивой и, что тоже очень важно, самой счастливой девушкой на свете.

Он дал мне время представить эту картину и продолжил:

– Заметьте, она не мечтает о толпе любовников, сексе, раннем взрослении и высоком рейтинге среди сверстников, что зачастую приводит к душевным травмам и психологическим расстройствам.

– В двенадцать лет? – изумился я.

– Бывает и раньше, – заверил парень, – так вот, эта мечта – чистая и светлая. Отнимать ее у ребенка было бы чудовищным преступлением.

Моей дочери уже одиннадцать. Надо будет приглядывать за ней повнимательней.

– А в противном случае, вы забрали бы эту мечту?

– Безусловно, – кивнул ловец.

– Но, как же вы можете решать, какая мечта хорошая, а какая не очень? – спросил я очень мягко, чтобы не навлечь на себя справедливый гнев.

– А нас не на улице подбирают, – гордо ответил парень, – мы учимся шесть лет, после идет учебная практика, потом производственная. Проходим такие психологические тесты, что космонавтам и не снились. Никаких наркотиков, бокал вина только по праздникам. Постоянные испытания на пригодность и курсы по повышению квалификации. Плановые и внеплановые проверки, без всяких там заблаговременных звонков. Из нас делают профессионалов.

– Да, но забирая чью-то мечту, вы лишаете человека права выбора и свободы воли, – заметил я.

– А для чего существуют дорожные знаки? – неожиданно спросил парень.

– Чтобы переходить улицу в установленном месте, – отпартовал я заученную фразу.

– То есть, вы переходите улицу не там, где хотите, а там, где вам кто-то это разрешает?

– Ну, наверное, да – согласился я.

– И проявлять свободу воли и право выбора уже становится небезопасно?

– Выходит, что так, – кивнул я, понимая, к чему он клонит.

– Второе. Если вы стали свидетелем драки, где трое мальчишек бьют ровесника, вы бы вмешались?

– Естественно.

– А как же эта самая свобода воли?

– Ну... Это немного другое.

– Продолжим. Что, на ваш взгляд, конструктивней – поймать растлителя малолетних, и изолировать его от общества на определенный срок, а потом выпустить, или же, лишить его такой мечты до совершения преступления, и тем самым спасти жизнь, здоровье, свободу и жертвы и преступника.

– Лишить мечты, – признал я.

– Что мы и делаем, – радостно констатировал ловец.

– Но судя по тому, что происходит в мире...

Парень помрачнел, но ответил с достоинством:

– Любая, даже самая необходимая работа, несовершенна. Полиция не может поймать всех преступников. Дворники не способны идеально вычистить город – пройдите по улицам. Даже врачи не в состоянии спасти всех больных. Мы не можем создать рай на Земле, как бы не старались. Но без нас, уж поверьте, было бы гораздо хуже.

Он положил руку на сердце:

– Если бы плохие мечты, мысли и желания можно было ловить сетями, мы бы с радостью практиковали такой метод.

– А если все же попробовать? Чисто гипотетически?

– Если ловить все подряд, без разбора, многие станут несчастными, сами не зная – почему.

– Как все у вас непросто, – заметил я.

– Как сказал профессор Лапшин, мечта хочет развиваться в естественной благоприятной среде и проявляться в реальной жизни. Она не хочет, чтобы ее ловили. Вот именно поэтому мы ее и ловим. И чем раньше, тем лучше.

Этого я не понял.

– Давайте еще раз. Вы ее ловите, потому что она не хочет быть пойманной?

Парень согласно кивнул:

– Очень тонкая философия. Подумайте на досуге.

Мой поплавок скрылся под водой, леска натянулась, как струна. Рывок – и в воздух взлетел карась, отчаянно ругаясь и протестуя. Обыкновенный стандартный карась.

– Я смотрю, вам тоже сегодня везет, – поздравил меня парень.

Карась отправился в ведро и начал там бушевать, новый червяк неохотно занял освободившееся место на крючке.

– А как происходит сам процесс распознавания плохой мечты от хорошей? – вернулся я к теме нашего разговора, – Хотя бы в общих чертах.

– А вы кем работаете? – спросил парень, немного подумав.

– Я занимаюсь проектированием авиационных турбинных двигателей для местности с низким температурным показателем, – не без гордости ответил я.

– А вы можете мне, неопытному в этом вопросе, на пальцах объяснить принцип работы такого двигателя.

Я только усмехнулся.

– Что-то я отвлекся, – спохватился парень, насадил на крючок червяка и закинул в воду.

– А вы тоже ловите на червяка, – заметил я.

– Самая лучшая наживка, скажу я вам.

– А зимой?

– А вот зимой приходится использовать альтернативные варианты, – бормыш, например. Но на него мечта клюет неохотно.

– Не любит бормыш?

– Ну, вот если мне предложат пельмени или манную кашу, – принялся рассуждать парень, – я выберу пельмени. Если только кашу, я могу ее съесть или обойтись простым чаем. По этой же причине червяк подходит больше. А прибавьте к зимнему периоду замерзшие водоемы и минусовую температуру – картина получается не очень продуктивной. Но есть одно «но».

– Новый год? – спросил я.

– В точку, – улыбнулся парень, – Новый год, Рождество. Дети верят в волшебную сказку, взрослые думают о вере, вспоминают детство. Их мечты не становятся от этого более

полезными в производственном плане, но они светлые и легкие, а это очень важно для души. Зимой мы больше думаем о тепле, а самым теплым местом является семейный очаг. Так что, зимой люди своими мечтами очень помогают нам составлять плановую отчетность, сами того не подозревая.

– А разве мечта подо льдом не спит, как рыба? – поинтересовался я.

– Резвится, как ребенок, – заверил парень.

Тут он пододвинулся ко мне, и понизив голос, заговорчески спросил:

– А знаете, что я однажды поймал?

– Что же? – я тоже понизил голос.

– Я в прошлом году только-только поступил на службу и мне выделили небольшой водоем недалеко от города. Под присмотром наставника, конечно. И на третий или четвертый день мне попалась мечта...

Он еще понизил голос, но было видно, что хотел кричать.

– ...нашего президента!

– Да ну! – изумился я.

– Точно говорю.

– И о чем же он мечтал?

– Не поверите, о вертолете на дистанционном управлении!

– Игрушечном? – не поверил я.

– Именно, – подтвердил парень, – в его детстве таких не было. А теперь вот, статус не позволяет. Времени,

опять же, нет.

– Кто бы мог подумать? – изумился я. Мы часто забываем, что президент тоже человек.

– В одном японском магазине увидел и загорелся, как пацан, – поделился парень, – я долго не знал, что с этой мечтой делать. Случай, все-таки, необычный. А наставник молчит, не подсказывает.

– И как же вы поступили?

– Конфисковал.

– Мечту президента?

– Я принял решение, что глава государства не должен забивать себе голову подобными мыслями.

– Наверно, вы правы, – согласился я.

– Пришлось потом писать объяснительную, но все обошлось.

– А разве он не мечтает о благополучии нашей страны.

– Еще как мечтает, – заверил парень, – мы это даже проходим отдельным предметом.

– А эту мечту вы можете поймать?

– Ее никто не может поймать.

– Это почему же?

– Поточу что, такие мечты – большие и сильные, как киты.

– И водятся в океане, – догадался я.

– И охота на них запрещена, – улыбнулся ловец мечты.

– У вас клюет! – крикнул я.

Ровно в шесть вечера рабочий день ловца мечты закон-

чился, и мы попрощались. Больше я его не видел.

Ночью супруга прижалась ко мне:

– Я тут подумала, – ласково прошептала она, дотронувшись кончиком пальца до моего носа.

– Чего? – спросил я, выплывая из бездны сновидений.

– Давай купим машину, чтобы в автобусе больше не трястись. А? Всегда мечтала.

– Какую еще машину? – этот разговор мне сразу перестал нравиться.

Супруга приподнялась на локте и с жаром стала рассказывать:

– Значит так. Она будет красной...

Тут я понял тонкую философию ловца мечты.

Серое детство

Не успел Николай убрать палец с кнопки звонка, как Ирина тут же открыла дверь и буквально затащила его в квартиру. Не дав ему раздеться и снять обувь, она повела его в спальню.

– Вот, полюбуйся.

Первое, что бросилось в глаза, были занавески, колышущиеся от ветра, как паруса фрегата Петра. В комнате стоял свежий запах сирени. На подоконнике, на полу, на супружеской кровати, валялись осколки битого стекла.

– Я чуть с ума не сошла от страха, – призналась Ирина.

– А что случилось? – Николай в растерянности оглядел комнату.

– Вот что случилось, – Ирина показала на мяч, виновато лежащий в углу рядом с тумбочкой, – футболисты хреновы.

– А наши на чемпионате постоянно позорятся, – пробормотал Николай.

– Очень смешно, – скривила Ирина губы, – они внизу стоят, мячик просят.

Николай осторожно прошел к поврежденному окну по осколкам. Звук стоял такой противный, что Ирина закрыла уши руками и зажмурилась. В одной раме стекло было целым, другая рама была только оконтурена острыми краями. Во дворе стояла ватага пацанов и смотрела вверх.

– Здравствуйте, дядя Коля! – радостно поприветствовали они.

– Физкульт-привет, шпана!

– Верните, пожалуйста, наш мячик!

– Я бы с радостью, но тетя Ира будет ругаться, если мы не решим вопрос с окном.

– Паразит, – слышалось за спиной.

В коридоре раздался звонок, Ирина бросилась открывать дверь. Обратно она вернулась с Виктором и Надеждой, соседями по лестничной площадке. Соседи робко встали в дверном проеме, разглядывая погром.

– Это наш сделал, – сообщили они, – сам признался.

– Хороший удар, – похвалил Николай и швырнул мяч во двор.

– Сегодня магазины уже закрыты, – сообщил Виктор, – завтра стекло вставлю, а на сегодня прибьем какую-нибудь фанеру.

– И как это будет выглядеть с улицы? – спросила Ирина.

– Страшно и некрасиво, – ответила Надежда.

– Я думаю, ночью не замерзнем, – Николай посмотрел, как мяч опять заметался по двору, – ночи теплые, одеяло толстое.

– Если мужик страстный, то одеяло не понадобится, – сказала Надежда, покраснела, отправилась на кухню и вернулась с веником и ведром.

Ирина аккуратно свернула постельное покрывало вместе

с осколками и, тяжело вздохнув, запихала его в ведро.

– Не мешайтесь под ногами, – скомандовала Надежда мужикам, – сходите в магазин.

Вскоре все-все осколки отправились на помойку, а следом, после мучительных раздумий, покрывало Ирины. Соседи сидели на кухне, пили за мир и взаимопонимание, беседуя о превратностях судьбы и резких жизненных поворотах. Вечер задумчиво склонил голову над землей, городской шум стих, мячик успокоился в чьей-то детской.

– Вот я в детстве много стекол перебил, – радостно сказал Виктор, разливая вино по стаканам, – просто жуть, как много. И в садике, и в школе. В школе – особенно.

– Вот и сын по твоим стопам пошел, – заметил Николай.

– А ты тоже мячик гонял? – спросила Ирина.

– Нет, я камнями в окна швырялся. Наверно не любил их за что-то.

– А ты у меня, оказывается, хулиганом был, – удивилась Надежда.

– Так, шалил малость, – смущенно улыбнулся Виктор.

– Это называется «малость»? – спросил Николай.

– Ну а ты, – обратилась Ирина к Николаю, – сколько стекол разбил в детстве?

– Ни одного.

– Почему?

– За что их бить? Они красивые, гладкие и защищают

от ветра.

– Ты, наверно, отличником был? – решила Надежда.

– Это была заветная мечта мамы, но она не исполнилась.

– Стекол не бил, отличником не был, – подытожила Надежда, – чем же ты в детстве занимался?

– Сначала рос, потом подрастал, – Николай взял свой стакан, явно не желая говорить на эту тему, – ничего интересного. Обыкновенное серое детство, без прикрас.

– Никогда не думал, что детство бывает серым, – заметил Виктор, – уж что-что, а детство должно сиять всеми гранями и сниться по ночам.

– Да чему там было сиять, – махнул рукой Николай.

– Ну, ты же не сидел сутками на одном месте? Что-нибудь да делал? – спросила Надежда.

– С друзьями во дворе играли? – добавила Ирина.

– Играли, – кивнул Николай, – и во дворе играли, и в лесу.

– А в лесу что делали?

– Клад искали.

– Ну-ка, расскажи, – попросила Надежда.

– Да что там рассказывать, – опять отмахнулся Николай.

Ирина поставила локти на стол, голову положила на ладони, всем видом показывая готовность внимать каждому слову мужа.

– Давай.

Виктор быстро наполнил бокалы.

– Не будет рассказа, не будет окна.

Надежда промолчала, но кивнула в знак моральной поддержки.

И все смотрели на него. Отступить было некуда. Николай вздохнул.

– Наш клад был двадцатикопеечной монетой. Участвовало две команды, наши пацаны и из соседнего двора. Одни прятали монету в лесу, сразу за городом. Другие находили. Все.

– Коротко и ясно, – разочаровано вздохнула Надежда.

– А как искали монету? – спросил Виктор.

– Искали по карте.

– А карту где брали?

– Сами рисовали, – оживился Николай.

Он залпом опустошил свой бокал и тут глаза его засверкали, но не от вина.

– Для начала мы обжигали края будущей карты огнем, будто она побывала на пылающем корабле, во время боя.

– Круто! – воскликнул Виктор, и хлопнул ладонями по столу.

– Ты чего? – вздрогнула Надежда.

– Это реально круто!

Николай строго посмотрел на слушателей и продолжил.

– Обжигать надо было сразу, потому что карта могла сгореть. Потерять пустой лист бумаги не так жалко, как готовую карту.

Слушатели согласно кивнули.

– В первую очередь на карте мы изображали самое главное. В верхнем правом углу у нас была роза ветров, в нижнем левом – череп.

– Это самое главное? – удивилась Ирина.

– Ну да, – понимающе кивнул Виктор, – карта без черепа – не карта. Все равно, что документ без печати.

– Мальчишки! – улыбнулась Надежда.

– А уже после мы рисовали наши дворы, дорогу, за ней шли гаражи, после – лес с тропинками и оврагами, старая водокачка, отдельные деревья, каменная гряда на северо-западе, стройка чего-то там на востоке... Естественно все было изображено схематически, но с большим усердием.

А на обратной стороне красной пастой, будто кровью, писалась инструкция: сколько шагов, в какую сторону надо сделать от поваленной березы, возле которой лежит условный скелет пирата. Или старого маяка. Хижина отшельника, она тоже встречалась. А в довершении карту слегка мяли, терли обо что-нибудь грязное, чтобы наложить на неё отпечаток времени.

У Надежды зазвонил телефон.

– Наш футболист, – пояснила она, – Да! Нет, не скоро, ложись без нас.

Она нажала «отбой» и превратилась из мамы в слушателя. Николай с охотой продолжил.

– О времени передачи карты договаривались заранее. До этого момента мы должны были нарисовать её и спрятать

клад. Стоит ли говорить, что с каждым разом карта делалась все более... настоящей, а клад прятался все более изощренно.

– Не стоит, – сказала Ирина, – это и так понятно.

– К месту встречи соседские пацаны спускались с пригорка на велосипедах. К раме они крепили картонки, которые соприкасались со спицами и при езде издавали трескотню.

– Трещотки, – улыбнулся Виктор, – мы тоже такие делали.

– Чтобы взобраться на пригорок, им приходилось объезжать воинскую часть. Путь был неблизким, но не могли же мы просто прийти в соседний двор и просто передать карту.

– Было бы не интересно, – заметила Надежда.

– А мы подъезжали со стороны заброшенной водокачки. Она располагалась недалеко от дороги, но там постоянно тусовались старшеклассники. Поэтому мы проезжали мимо, как можно быстрее. Естественно, на тот момент они становились ожившими мертвецами в проклятой крепости, сами того не осознавая. А встреча с трупками не входила в наши планы. Поэтому трещотки мы снимали. У нас был скорее разведывательный отряд. Бесшумный.

– Как все продумано, – похвалила Ирина.

– А при встрече мы передавали соседским карту и компас. Но компас был ритуальной составляющей. Переходящим знаменем. Никто не собирался сверяться по нему, мы и так знали, где север. Или, по-нашему, край земли, где все еще обитают мамонты. В следующий раз карта и компас пе-

реходили к нам, и уже мы отсчитывали шаги в сторону кладбища слонов или алтаря людоедов.

– Круто, – с восхищением заметила Надежда, – а девочки у вас были?

– Девочек было мало, поэтому они играли более важные роли. Королева амазонок, например, мертвая невеста, похищенная принцесса.

– А какое отношение играла принцесса в поисках клада?

– Никакого. Это было уже в других играх.

– У вас еще что-то было?

– Вы про клад просили рассказать, я рассказал. А игр было много. Мы не только весь лес излазили. На стройках устраивали битвы на мечах. Заброшенные дома подходили как раз для мертвой невесты или черной вдовы. По всему городу устраивали шпионские слежки друг за другом. Одни следили за агентом, передавали объект слежки другому товарищу, а агент старался нас вычислить, передать что-нибудь связному, и по-тихому скрыться в подворотне. Из подвалов сбегали пленники, а на крышах наши ракеты отправлялись на Марс. Зимой на речке Ледовое побоище случалось. Кто победил, тот и русский. Да много чего еще было. Пираты, индейцы...

– И ты утверждаешь, – изумленно проговорил Виктор, – что твое детство было серым?

Николай пожал плечами:

– На курорты мы не ездили, родители зарубежных шмоток

не привозили. Даже машины у нас не было.

– Да к черту курорты и шмотки! – рассмеялся Виктор, – Мне бы хоть раз мертвую невесту увидеть в заброшенном доме. Впечатлений на всю жизнь хватило бы.

– А я с сестрой только в куклы играла и в бадминтон с родителями, – сообщила Надежда.

– Я каждый год отдыхала на море, – призналась Ирина, – но никаких пиратов там не было. А жаль.

– А сейчас дети если играют в футбол во дворе, то это уже хорошо, – заметил Виктор.

– Кстати, о детях, – приподнялась Надежда, – нам пора.

– Да, – поддержал Виктор, – завтра с утра с окном все решим. Надеюсь, не замерзните.

– Если Ира сегодня оденется мертвой невестой, то ночь будет жаркой, – засмеялась Надежда.

– Пошлячка, – укорил ее Виктор.

Николай спал, обняв Ирину, а та лежала у него на плече и смотрела, как легкий ветер раздувает шторы, как паруса фрегата Петра. В комнате стоял запах сирени, свежести и далекого детства, заглянувшего к ним сегодня вечером вместе с футбольным мячом. Вспоминалось море, крики мальчишек во дворе, семь свечек на именинном торте. А над этим сияло большое ослепительное солнце, освещающее беззаботное детство – такое далекое и одновременно близкое, стоит только заглянуть в фотоальбом. А что у нас

осталось от всего этого, кроме воспоминаний?

А я была бы неплохой королевой амазонок, – подумала Ирина.

На обочине

Покрытие трассы, мягко говоря, было далеким от хорошего состояния. О качестве дороги красноречиво говорили всевозможные ухабы, выбоины, трещины и ямы, в избытке напичканные на этом участке. И даже иногда встречающиеся асфальтовые заплатки выглядели, скорее, как издевка над расшатанной психикой автовладельцев. Не дорога, а проклятье какое-то. А это федеральная трасса, между прочим.

Автомобиль периодически сбавлял скорость, чтобы на очередной кочке не лишиться какой-нибудь важной детали в самый неподходящий момент, то есть – в любой. Здесь может не только шаровая полететь, или стойка лопнуть. Или мотор выскочить наружу при таких подскоках, как сердце человека от страха. Дожди, размывая дорожную поверхность, сделали свое дело на совесть, чего не скажешь о дорожной службе. На всем горизонте не видно ни асфальтоукладчиков, ни катков, ни рабочих, черных от загара. Понятно, что невозможно поправить все за раз, приходится выбирать самые важные участки. Да и областной бюджет не позволяет. Но на кого-то, все же, надо злиться. Кто-то должен быть виноватым в этом несовершенном мире, иначе смысл жизни попросту теряется. Нельзя ехать в гремящей машине, подсакивая на ухабах, и при этом делать вид, что так все и должно быть. Уж, кто-кто, а нормальные люди будут обли-

чать администрацию в неспособности повысить уровень качества дорог до приемлемого, не говоря уже обо всем остальном.

— Вот поэтому и жизнь у нас такая...

Автомобиль подпрыгнул на очередном ухабе и последнее слово утонуло в грохоте железа.

— Чтоб вас всех!

В машине находились отец с сыном, возвращающиеся с рыбалки. Мужчина, окончательно вымотанный этим днем, внимательно следил за дорогой, подмечая все препятствия, возникающие на пути, чтобы с минимальными потерями добраться до дома. Но дорога зачастую была хитрее.

Семилетний Ваня сидел на заднем сидении и смотрел на озеро, раскинувшееся по правую руку. Что там творилось с дорогой, его не особо интересовало. Наоборот, ему нравился этот аттракцион. А вот озеро притягивало взгляд каким-то магнетическим образом. Звало и манило. Будто хотело что-то сказать мальчику, наталкивало на какую-то интересную мысль. Вот еще чуть-чуть, и родится блестящая идея, словно великолепный цветок из невзрачного семечка. Но пока озеро оставалось озером. На его невысоких волнах отражались розовые блики вечернего солнца. Облака сонно застыли в небе. Вечно голодные чайки носились над водной поверхностью, выклянчивая рыбу.

На отсутствие рыбы жаловались не только чайки. Отец с сыном возвращались с рыбалки на другом, дальнем озере,

и тоже не могли похвастаться богатым уловом. Да еще эта дорога, олицетворяющая собой хаос и разруху на всем своем протяжении. Болото, находящееся на полпути к городу и гармонично смотрящееся с такой дорогой, уже проехали. Также остались позади два поселка, лесной заповедник и железнодорожный переезд. Там же – хорошее настроение и надежда на уху. А впереди их еще ожидали позор и саркастические насмешки от мамы. И папу это бесило еще больше.

То место, куда они с отцом два раза в месяц наведывались, и которое всегда радовало обилием рыбы, сегодня их откровенно разочаровало. Улов оказался небольшим и по размеру, и по объему. Это было неожиданно, это было подло, и это очень негативно повлияло на настроение отца. А так же на его субъективную оценку всего вокруг. А вот был бы улов лучше, и дорога была бы не такой гадкой. По крайней мере, раньше было так.

Ваня в пол-уха слушал отца, гадая между тем, зачем им надо рыбачить на том озере, когда есть это. Та же вода, те же чайки и рыбаки в лодках. Такие же утренний туман и яркое солнце в окружении облаков в полдень. Вечерний прохладный воздух и ветер в кронах боярышника, берез и черемухи. Даже дачные домики, рассыпанные по этому берегу, были похожими на те, другие, будто сделанные одними и теми же людьми. Единственное различие – это озеро гораздо ближе к городу, вот и все. Может, было бы лучше в следующий раз остановиться здесь. Это экономия бензина, времени и нер-

вов. Вот она – идея. И неплохая идея для семилетнего мальчишки, который только-только еле осилил первый класс. Вania даже улыбнулся. Его глаза засверкали, он нетерпеливо заерзал на своем месте. Очень захотелось поделиться своими мыслями с отцом. Слова уже были готовы сорваться с губ.

– Им лишь бы штаны протирать, – проворчал отец, пропустив встречный автомобиль и осторожно объехав огромную лужу, оставшуюся после недавних дождей.

Нет. Пусть озеро и чайки подождут, подумал сын. А вот дома...

– Мракобесы! – отец сбавил скорость, и машина лишь слегка подпрыгнула на ухабе.

Если бы они поймали много рыбы, папа не был бы таким сердитым. И они бы обсудили предложение насчет озера, как взрослые мужики, на равных. Но не сейчас. Надо подождать более удобного момента. Главное – не забыть эту идею, когда придет время.

– Бомбили они ее, что ли?

– Кто бомбил? – откликнулся сын.

– Фашисты, больше никому.

Для маленького Вани фашисты были понятием расплывчатым и далеким. Это такие нехорошие люди, которых остановил Ванин дедушка, и дедушки всех Ваниных одноклассников, объединившись в одну большую Красную Армию. Еще там были некоторые бабушки, но тут автомобиль въехал в лесной массив, и Вани тут же забыл о делах давно ми-

нувших дней.

Частокол из сосен окутал их своей тенью, таинственной, завораживающей и молчаливой. Цветущий багульник проносился на уровне Ваниных глаз пышными сиреневыми облаками. Тишина вечернего леса даже немного проникла внутрь автомобиля, отчего отец перестал ругаться и лишь иногда что-то бубнил себе под нос.

Ванька пересел на левую сторону и с большим вниманием стал смотреть в окно, пытаясь в мельтешении сосен и лиственниц увидеть белку на дереве или зайца в кустах. Казалось бы – невозможно. Но детская фантазия вполне справлялась с этой проблемой. В лесу были хорошо различимы и белки, и зайцы, и бурундуки с бурундучатами. Иногда попадались даже медведи. Он стояли по пояс в багульнике, словно в сиреневом облаке, громадные, добрые и с интересом провожали взглядом их автомобиль. И все звери жили дружно и счастливо.

Дорога в лесу стала немного походить на дорогу. Видимо кого-то совесть замучила, и этот участок привели в более-менее порядочный вид. Автомобиль не прыгал на ухабах, тормоза не визжали, движение стало плавным. Напряжение в машине спало, и Ванька решил высказать свое мнение насчет озер.

– Папа, – начал он.

– Куда тебя! – вдруг заорал отец.

Из-за поворота им навстречу выехал автомобиль, и при-

близился так близко, что боковые зеркала встретились друг с другом и тут же разлетелись на мелкие кусочки в разные стороны. Встречный автомобиль с шумом мелькнул на мгновение перед носом Вани и пропал где-то позади. Останавливаться он не стал. А вот отец так резко нажал тормоз, что Ваня, который только что отпрянул от окна, налетел на переднее кресло. На мгновение все стало тихо. Отец повернулся к сыну.

– Вылезай! – громко крикнул он, отчего Ваня вздрогнул.

Отец достал из-под кресла монтировку и положил рядом с собой.

– Вылезай живо и жди меня тут, – приказал он еще раз, и Ваня быстро выскочил из машины, прямо под знаком «40», которую встречный автомобиль проигнорировал.

– Я скоро, – крикнул отец, – не уходи никуда!

Он развернул автомобиль и помчался за тем человеком, который окончательно испортил ему выходной.

Очень скоро машина скрылась вдали, шум стих, дорожная пыль осела.

Вначале солнце пряталось за соснами и лишь на прощанье выглядывало из-за колючих веток, оставляя на земле пятна света. Потом вечерняя тень охватило все, что попадалось ей на пути, принеся с собой прохладу и покой. Небо темнело, а ярко-розовые облака на их фоне казались светящимися в лучах заходящего солнца. Но вот они потускнели, стали

серыми и скучными.

Всю ночь Ваня сидел на обочине на корточках, прислонившись спиной к дорожному знаку, и ждал. Когда мимо проезжал какой-нибудь автомобиль, он поднимался в надежде, что отец все-таки вернулся и сейчас они поеду домой, к маме. Она, наверное, уже заждалась их и волнуется. И ужин остыл давно. А завтра родители уйдут на работу, а он будет весь день гонять мяч во дворе. Но фары машин не останавливались, проплывали мимо, на миг ослепляя его светом, и вскоре исчезали в ночи, оставляя его одного, терпеливо ждущего. Со временем их становилось все меньше и меньше, а вскоре они и вовсе пропали. Выходные закончились, люди вернулись домой, дорога остыла.

Лес не спал, но молчал, размышляя о чем-то своем. Ему и нечего было сказать маленькому одинокому мальчику, в невинных глазах которого стояли слезы. Вокруг черной стеной возвышались деревья. Ветер не шелестел в сосновых ветках. Багульник растворился в темноте. И лишь то тут, то там, иногда поскрипывали старые сосны, вспоминая свою многолетнюю жизнь. И от этого скрипа Ване становилось еще тоскливее. Его вдруг осенило, что жизнь заканчивается в раннем детстве, а взросления, старения, и приходящей с ними житейской мудрости, не существует. Это все придумали хитрые взрослые. А сама жизнь завершается в семь лет, в полном одиночестве и жуткой безвыходности. Вот такие мысли посетили Ванину голову без разрешения. Тоска

сменилась отчаянием, отчаянье страхом, страх безразличием. И никто из зверей не вышел из леса, не успокоил его. Не прижался к нему, не согрел своим телом, как иногда бывает в сказках.

Ночь тянулась долго, почти что вечность. Так долго, что небо почернело от времени. Выгорело от звезд, которых из-за отсутствия электрического света было так много, что они мешали друг другу. Звездный циферблат вращался медленно – очень медленно – вокруг Полярной звезды на кончике Малой Медведицы. Озеро Млечного пути, занявшее полнеба, кишело вечными рыбами. Когда люди не смотрят на небо, звезды живут своей жизнью, и что им до маленького мальчика на отшибе Вселенной? И только Луна наблюдала за мальчиком, да и то, как-то равнодушно.

Иногда Ваня впадал в дремотное состояние, и тогда, сквозь полусон он слышал визг тормозов, и отец зовет. Ну, наконец-то, думает он, и открывает глаза. Ему даже не нужно времени, чтобы привыкнуть к темноте. И так видно, что никого нет. Опять – только пустая дорога и молчаливый лес.

Уже утром, когда солнце чуть осветило край неба, Ваня понял две вещи. Первое – волшебства не бывает. Второе – отец больше никогда не вернется. Он еще полностью не осознал произошедшее, но ясно только одно – случилось непоправимое. Он остался один. Детство на этом не закончилось, но его срок сократился. На трясущихся ногах, мокрых от росы, зареванный и дрожащий от утренней прохлады, он вы-

шел на середину дороги. Он решил, что любимым способом остановит первую проезжающую машину и попросит, чтобы его отвезли к маме. Чтобы жизнь не закончилась в семь лет.

Если бы сейчас была зима, наш рассказ уже давно завершился на печальной ноте. Но на дворе стояло лето, а значит, Ване еще долго придется приходить в себя после ночного ожидания, мучиться ночными кошмарами и привыкать жить без одного родителя. Но, по крайней мере с этим, он справится.

Сорокалетний Иван открыл глаза. Посмотрел на потолок, идеально белый и ровный, и понял, что ему грустно. В этот день многим грустно. Вот дети, те радуются дню рождения. Пожилые, со свойственным им житейским опытом, принимают его как должное. А вот люди среднего возраста грустят, потому что не обладают ни детской непосредственностью, ни стариковской мудростью. И каждый год, приплюсованный к общему жизненному стажу, воспринимается как навязанная кем-то обязателька, от которой не отвертишься, не откажешься. И Иван был из такого рода людей – реально смотрящих на жизнь. К пессимистам он себя не относит.

Пустота его квартиры сегодня показалось ему чем-то совершенно лишним, вроде вредной привычки, от которой неплохо было бы избавиться. Вдруг захотелось услышать шум на кухне и топот маленьких ног в коридоре. Может, Варвара, периодически ночующая у него, однажды останет-

ся не только на завтрак? Вот такое желание, до этого никак себя не проявляющее, вдруг возникло у него. Видимо, сорок лет, это тот возраст, когда надо что-то переосмыслить в своей жизни, а холостяцкая жизнь уже не кажется свободной и независимой.

Философские размышления прервал сотовый, лежащий на полу. Нехорошая это привычка, бросать телефон, где попало, рискуя его раздавить в один прекрасный день. Но, по крайней мере, это произойдет не сегодня. Иван, не глядя, поднял трубку. Нет никакой необходимости читать имя на экране. Звонок этого человека отличался от всех остальных – «Александра, Александра, этот город наш с тобою...». Будто специально ждала, когда он проснется. Хотя Иван удивился бы, если бы звонил кто-то другой.

– Чего надо? – показательно-грубо спросил он.

– Не разбудила? – поинтересовалась Шура.

– Разбудила.

– Иван Витальевич, – не стала извиняться Шура, – поздравляю Вас с днем рождения, желаю счастья, любви, здоровья...

Иван убрал трубку от уха и потер глаза, зевнул и вернулся к поздравлению.

– ...и не ограниченный запас солярки.

– Всё?

– И всего, что сами себе пожелаете!

– Желаю, больше тебя никогда не видеть, – буркнул име-

нинник, – пока!.

– До вечера, Иван Витальевич. Еще раз...

Иван нажал отбой и положил сотовый на пол. А ведь только вчера ему, юному и красивому, было всего лишь тридцать девять. Он еще немного повалялся в кровати, поизучал потолок, прежде чем сесть, поставив босые ноги на прохладный пол. Из динамика телефона послышался душераздирающий крик. Иван долго выбирал, какой сигнал поставить на оповещение СМС-ки, и выбрал этот, энергичный и бодрящий. Особенно забавно замечать, как люди удивленно оборачиваются на этот звук. Пусть потом не говорят, что у него нет чувства юмора. Сообщение было от неугомонной Шуры.

«Иван Витальевич...», бла-бла-бла... «коллектив автопарка».

Ну конечно, подумал Иван, весь коллектив еще дрыхнет без задних ног. Как-никак, законные выходные. Люди всю неделю работали, и работали вполне сносно, и он, как начальник, лично контролировал этот процесс. Так что, пусть отдыхают. День рождения – не вещь, в кармане не утаишь. Возможность поздравить у них еще будет.

Настольные часы показывали 8:14 утра. Скоро все проснуться и начнут звонить друг за другом, будто встали в очередь в один телефон-автомат. Эти бесконечные и однообразные, как под копирку, поздравления и пожелания, только что прозвучавшие от Шуры. И Варя звонков пять сделает. Прошлые размышления насчет холостяцкой жизни про-

пали. В такой день необходимо уединение с самим собой, осмысление пройденного этапа, подведение итогов прошедшего десятилетнего отрезка жизни. Проще говоря, хочется послать все, сесть в тачку и часа два-три поколесить по российским дорогам за городской чертой. Хороший подарок самому себе. Иван оценивающе посмотрел на телефон, хитро улыбнулся и отключил его. Так-то лучше. У него тоже выходной. А страждущие поздравить подождут до вечера. Ожидание праздника лучше самого праздника. Кто не успел, в отличие от Шуры, тот опоздал. Вот вечером в ресторане он и послушает, какой он замечательный, ответственный и человечный.

Он прислушался к квартире. Все же, надо что-то менять. Есть одна замечательная традиция – не отмечать сорокалетний юбилей, и Иван не хотел ее нарушать. Но в таком случае, все, кому не лень, попрутся к нему домой. И тут уже не хлопнешь дверью перед носом, не оставишь людей на лестничной площадке. Уж лучше в ресторан, чтобы потом не убираться за гостями. Да и компания соберется значительная, почти весь коллектив, и все голодные и трезвые. Но есть плюс – подарки принимаются исключительно в денежном эквиваленте, чтобы не травмировать неокрепшую психику юбиляра ненужными вещами, и в одном конверте, чтобы не знать, кто его больше уважает. Это многолетняя традиция его автобазы, проверенная временем. Иван очень надеялся, что подарок окупит банкет и не придется доставать

свои кровные. Не сочтите за жадность, но он и не собирался праздновать ни этот день рождения, ни прошедший, не все последующие. Но народ просит, даже требует, а как против воли народа пойдешь?

Одна только Шура чего стоит. Вынь, Иван Витальевич, свой праздник, да положь на радость людям. И за все эти годы совместной работы, нет от нее спасения, ни куда от нее не денешься. Ходит по пятам, как на привязи. Он на совещание, она следом. Он в туалет, она его караулит. Он на склад, потом в гараж, после в курилку, она его в ремонтных мастерских достанет. И постоянно ей что-нибудь, да требуется. То тут расписаться, то там выговор сделать. Казалось бы, какое твое дело, ты в отделе кадров сидишь? Улыбнется, пожмет плечами и упорхнет по коридору. Славная девчонка. Ну как – девчонка? Относительно его. А то, что он с ней груб бывает, так он такой со всеми. Но все прекрасно знают, что сердце у него доброе и отзывчивое, уже привыкли и внимания давно не обращают. Хороший человек и начальник, со своими тараканами в голове.

Просто в детстве у него произошло что-то серьезное, что до сих пор преследует его. Так старые сотрудники объясняют новым, чтобы те не делали скоропалительных выводов. Бывает с ним что-то такое необычное. И смотрит тогда дорогой Иван Витальевич куда-то в пустоту, и пустота эта в глазах его отражается. И глаза становятся безжизненными, как высушенное русло реки. Теряется человек. А окликнешь, он уже

здесь, с нами. Будто и не отлучался в свой загадочный мир. Лишь чуть вздрогнет от неожиданности и рассеяно посмотрит по сторонам. Что он там видит, задаются люди вопросом. Но Иван Витальевич еще никому не открыл своей души.

Живет один. Не женат, детей нет. Вроде не урод, вполне даже подходящая физиономия. И руки растут, откуда надо, и с головой дружит. А вот не получилось встретить ту самую, которая на всю жизнь. Расхватили, кто порасторопнее. Небезучастные коллеги пытались помочь наладить семейный уют. Кого только на свидания не тащили. И умных, и веселых, и фигуристых, и хозяйственных, и дур полных, но с приданным. Но не срослось. Так и живет – все один, да один. Да и друзей у него тоже не наблюдается. И, по всей видимости, не нужны они ему. Одному лучше. Никто не предаст, не подставит. Есть же такие люди. Даже кота или собаки не завел. Для него семья – это его коллектив, дом – автобаза.

Он, правда, сейчас ухаживает за Варварой из бухгалтерии, овдовевшей женщиной 36 лет, но все как-то неуклюже и непродуманно. Уже не первый год ходят вокруг да около. Хуже пятнадцатилетних. Отчего и выглядят глупо, и шутят все по этому поводу у них за спиной. Но они стараются. Восемь лет уже идут упорно к своей мечте. В кино они несколько раз сходили, хотя Варвара предпочитает театр и оперу. Только она об этом не говорит, а он не спрашивает. Но это то, что на виду у всего коллектива. Про их совместные ночевки никто даже не догадывается. Такая вот пара.

Первые годы без отца всегда даются тяжело. Кто через это прошел, знает. Если это, конечно, нормальный отец, а не забулдыга, распускающий руки на домочадцев, мстя, таким образом, за свою никчемную жизнь и упущенные возможности. Нет, у Вани был хороший отец. Трудолюбивый и заботливый. Всегда брал сына на рыбалку и разрешал посидеть за рулем, где-нибудь за городом. Всем отцам отец. Может быть, чуть грубоват и резок в высказываниях. Но какое же это счастье – знать, что ругая за двойку, отец никогда не сделает тебе больно, а за этой нравоучительной руганью скрыта бесконечная отцовская любовь. Просто у него не получается высказать ее как-то по-другому. Таков уж характер. Да и Ване это передалось по наследству, и не продать этот характер, не обменять на другой. Магазин закрыт.

После потери мужа, мать быстро сдала. Плечи поникли, глаза потускнели. Без опоры на сильное мужское плечо ей стало трудно сносить жизненные сюрпризы. И эта перестройка, и это развал СССР, и эта инфляция. А ребенка надо кормить, одевать-обувать и в люди выводить. Попытки встретить мужчину успехом не увенчалась. Все они были не того типа, к которому она привыкла. А не найдя себе спутника жизни, мать ополчилась на всех мужиков разом. Трудно человеку сдерживать обиду. Тут и Ване тоже досталось. Часто он слышал в свой адрес «весь в отца» и «все мужики одинаковые». Да еще и разведенные подруги помогли в пе-

решим взгляда на жизнь. Да еще и с бутылкой. Еще бы – променять ее на другую, оставить одну (откуда только такая информация?) с ребенком. И у всех примерно одна и та же история. Почему-то счастливых подруг у матери не наблюдалось. Некому было подбодрить и утешить, открыть глаза на все эти надуманные обиды, отравляющие сердце. Часто кухня превращалась в собрание обиженных язвительных женщин. Поэтому Ваня старался больше времени проводить во дворе, бегая с другими ребятами за мячом.

Проходя мимо материнской спальни (уже не родительской), Ваня иногда слышал, как она плачет. Тогда он тихо открывал дверь, подходил к кровати и ложился рядом. Мать сгребала его в охапку, этот последний обломок счастья, нежно прижимала к себе и засыпала. Всклипы становились все реже, им на смену приходило ровное дыхание с запахом спиртного. Во сне мама улыбалась, и лишь тело иногда непроизвольно дергалось. К сожалению, это осколок так и не стал для нее полным счастьем. В сердце матери для Вани отводилось очень небольшое место. Уж слишком большая обида на мужа затаилась там.

В доме стало темнее, будто все лампочки поменяли на менее мощные. В нем было уже не так уютно, не так весело.

Время шло. Мать старела, Ваня выросл. Кое-как оконченная школа сменилась техникумом, который дался Ване тоже не очень охотно. Точные науки всегда были для него на-

стоящим проклятием, зато появилась тяга к механике. Сказались гены. Как-никак, он был «весь в отца». Водить автомобиль умел. Не особо напрягаясь, сдал на права. Пришел в автопарк, где и продемонстрировал свои посредственные, в общем-то, способности, еще недавно вообще крепко спящие. Но самое главное, у него было желание обучаться дальше. Это и подкупило и шоферов и механизаторов, желающих поделиться своим жизненным опытом с новой сменой. Каждый увидел в Иване своего ученика, тянул к себе. Механики – в цех, водители в гараж, и все пророчили светлое будущее. Молодых кадров катастрофически не хватало. А тут такой экземпляр. И пошло-поехало. Воспитали, выдали путевку в жизнь. Практикант быстро влился в коллектив, вошел во вкус, вник в суть дела. Именно здесь, на этой автобазе Иван обрел свое призвание, свою семью и свой второй дом. А если человек нашел себя в любимом деле, это счастливый человек. Только иногда случаются неожиданности.

Первый припадок с Иваном случился восемнадцать лет назад. Тогда он работал водителем междугороднего автобуса, не был таким грубым, а мать еще была жива. Молодой, целеустремленный, немного амбициозный, но знающий меру – он чувствовал себе в своей колее, даже если где-то в жизни случалось побуксовать. Задержка зарплаты, отсутствие запасных деталей, все это мелочи, со всем можно справиться. Такое у него кредо. Вот его мать, например, вырастила,

на ноги поставила, в люди вывела, и все без отца. И всегда он маму ставил в пример, если кто-то начинал жаловаться на судьбу. Расскажет, пожурит немного. И – как рукой снимало. И слезы высыхали, и проблемы уже казались не такими неподъемными. Чудеса, да и только.

Очень часто его маршрут пролегал по той дороге, где он последний раз видел отца. С того времени дорогу все же довели до ума, разгладили и выпрямили. Памятный для Ивана знак заменили новым. Остальное поменялось не очень. Те же два озера с чайками и болото между ними. Два поселка не особо разрослись. Железнодорожный переезд все так же пропускал составы. Заповедник процветал. Поля, леса, мосты через небольшие речки, все оставалось прежним.

Жил Иван, все также, с мамой. И все шло более-менее ровно и гладко, как по только что заасфальтированной дороге. Непредвиденных случаев не возникало. Да и здоровье никогда не подводило, даже намеков не было. Но, как всегда, неприятности поджидают за углом.

Иван собирался выйти на улицу, по каким-то делам, о которых сейчас и не вспомнить. И только он потянулся к ручке входной двери, как в глазах потемнело. Его выгнуло назад, будто вместо позвоночника ему вставили изогнутый лом. Тихий стон вырвался из его горла и замолк. Иван постоял в такой позе несколько секунд, после чего упал на спину, при этом сильно стукнулся затылком об пол, и замер. Разум его устремился в другой мир, которой и психиатры не очень-то

понимают. Тело осталось лежать на полу в коридоре, неподвижное и пустое, только зрачки под веками что-то высматривали. Казалось – спит человек, спокойно и безмятежно. Только одетый, и на полу в прихожей.

На шум, оставив приготовление обеда, из кухни выбежала мать, и увиденное ей явно не понравилось. Первое, что пришло в голову, что сын покинуть этот мир раньше срока. Но решив, что в начале надо вызвать «скорую», а уж потом паниковать, она бросилась в спальню, где на тумбочке стоял телефон. Медленно, чтобы не сбиться, набрала 03, ровным голосом объяснила диспетчеру причину звонка, аккуратно положила трубку на рычажки телефона и только после этого побежала к упавшему сыну, чтобы тормошить и звать его. Ей не пришлось долго трясти Ивана – он вскоре открыл глаза и удивленно посмотрел на мать.

Когда «скорая» подъехала, Иван уже полностью пришел в себя. Он, озадаченный, сидел в гостиной в кресле, поджав ноги и потирая ушибленный затылок. И тут было, отчего задуматься. Он хотел открыть дверь, и увидел склонившуюся над ним испуганную мать. А те три минуты, что он был без сознания, выпали из памяти, оставив лишь небольшое изображение. Это как сон, ты засыпаешь, тут же открываешь глаза, но что-то успеваешь посмотреть. В принципе, единственное, что у него осталось в памяти от приступа – это дорога. Немного расплывчатая, не совсем реальная, но – та самая. А он будто опять стоял на обочине возле знака, с надеждой

всматриваясь вдаль. Все это походило на пробную вылазку перед серьезным посещением.

– А когда он очнулся, спросил, где папа, – рассказывала мать о случившемся.

– А где папа? – спросила медсестра.

– Пропал без вести, давным-давно.

Мать все еще считала, что отец мог исчезнуть не просто так. Что тут быть замешана «та самая». А встречный автомобиль из уст Ивана и легкая авария.... Да что можно взять с ребенка? Тела нет, машины нет. Все складывается в общую картину – ушел к другой, это же очевидно.

Бригада «скорой» провела первичный осмотр и не обнаружила ничего, что могло бы указать на возможные отклонения от психической и физиологической нормы. Температура, давление – в норме. Зрачки не расширены.

– Водитель? – спросил врач.

– Водитель, – ответила мама.

– Я на вашем автобусе к родителям в Ленинское по субботам езжу.

– Будем чаще видится, – пробормотал Иван, думая о чем-то своем.

– Присмотрю за вами, – пообещал врач, и вынес вердикт, – возможно нервы, переутомление. Такое у молодых бывает.

Ивану дали какую-то «общеукрепляющую» таблетку, медицинским почерком выписали пару рецептов и посоветовали обратиться в поликлинику.

– И не затягивайте, – сказал врач на прощание, – в ваших же интересах.

В поликлинике Ивана гоняли из кабинета в кабинет, назначали анализы и снимки. Заставляли пальцем дотронуться до носа с закрытыми глазами и подышать в трубочку. Но ничего странного обнаружено не было, томография никаких аномалий не зафиксировала, и можно было облегченно вздохнуть. Но через восемь лет это повторилось.

Но незадолго до этого в коллективе автобазы появился новый человек.

Иван вошел в отдел кадров и тут же заметил за стойкой неизвестную сотрудницу. Ее присутствие было таким неожиданным, что он на мгновение замер.

Девушка взглянула на него, привстала и протянула руку.

– Александра.

Не известно почему, но Иван сразу почувствовал, что это наказание за все его грехи.

– Ваня, – ответил Иван рукопожатием, – а где главная?

Девушка села на место, только голова осталась на виду, и быстро стала что-то листать. Справки наводит, подумал Иван. Шустрая.

– Вышла на минуту. Вы инженер-механик?

– А что, похож?

– Вы один Иван в списках.

– А меня в списках нет, я насчет работы пришел узнать.

– Тогда бы вы так и сказали, а не стали спрашивать про главную, – девушка весело посмотрела на него, – может, я здесь единственная кадровичка.

– А может, я по благу?

– Вы бы уже на входе позвонили главной и сообщили о своем прибытии.

– Хитро, – заметил Иван, – но не убедительно.

– Вы висите на доске почета.

– Так уж и я?

– Ну, ваша фотография, – поправилась Александра.

– Это мой брат-близнец, – поведал Иван.

– И тоже Иван? Судя по надписи.

– Родители у нас веселые, – поведал Иван, – решили не заморачиваться.

Ничего дельного в голову уже не приходило.

Александра довольно улыбнулась.

– Надолго к нам? – с легкой издевкой спросил Иван.

– Надеюсь лично выдать вам «трудовую», когда будете увольняться.

Вошла главная.

– Ты ко мне? – спросила она.

– Да вот, пришел ругаться на твою подопечную.

Главная удивленно посмотрела на Александру.

– А что случилось?

– Шибко умная, – улыбнулся Иван, и довольный собой, вышел в коридор, позабыв, зачем приходил.

Стоял апрель. Снег растаял. В образовавшихся лужах отразились облака. На деревьях появились первые почки, похожие на только что проснувшихся детей, которые сидят на кровати и еще не понимают, кто они и откуда. Ну знаете, у них еще перо от подушки на голове.

Тогда мамы уже не было в живых, зато была Елизавета. Красивая и умная девушка, но со своим взглядом на жизнь. Встретились на свадьбе друзей, что, само по себе, символично. Весна тоже сделала свое дело. Их, истосковавшихся по любви, бросило друг к другу в объятия. Роман завертелся бурный, как бывает у немолодых пар, которым надо ловить этот самый «последний шанс». «Наконец-то наш мальчик (Ивану стукнул тридцатник) повзрослел», обрадовались немногочисленные родственники и стали присматривать свадебные подарки.

Но на очередном свидании с Иваном опять случился приступ. Будто от удара током, его изогнуло в кинотеатре, во время сеанса.

– Что с тобой, – спросила Лиза, в темноте не понимая, что Ивана изогнуло в кресле. На экране шли ужасы, но именно в это момент главные герои тихо и мирно беседовали. Поэтому крик Лизы в темном зале был крайне неуместен. От услышанного некоторые зрители занервничали, стали оглядываться, подниматься с кресел, а особо мнительные поспешили к выходу. В зале вспыхнул свет. Охранник, под любопытные

взгляды столпившихся зрителей, проверил у Ивана пульс. И видимо нашел, потому что схватил рацию и заорал:

– Срочно «скорую»!

Потом спокойным профессиональным голосом осведомился у испуганной Лизы:

– Алкоголь, наркотики?

Та отрицательно замотала головой.

А пока его, беспомощного и безответного, на руках несли к выходу, Иван, в теле ребенка, тем временем опять стоял на обочине той самой дороги в лесу под ночным небом. На это раз все было реалистичней. Кожа ощущала прохладу воздуха. Чувствовался запах хвои, смолы и багульника. Луна, холодная, как золотая старинная монета, ярко светила с небес. Глаза Ивана отчетливо различали окантовку леса на фоне звездного небосклона и разделительную полосу, еле видимую на старом асфальте. Дорожный знак все также призывал не превышать скорость. То тут, то там скрипели старые сосны. Словно ничего и не изменилось с того памятного дня.

А сердце почувствовало тревогу. Будто он не один в этом лесу, и кто-то злой и беспощадный, приближается и несет с собой не самые хорошие новости. А встреча с ним тем более не желательна. А отца все нет.

Иван сложил ладони рупором и крикнул, смотря в ту сторону, куда отец уехал в то, испорченное для всей семьи, воскресенье:

– Папа-а!

Двадцать три года назад он потерял здесь отца и, возможно, безвозвратно. Но не зря же он, каким-то образом, появился в этом месте, под этим знаком.

Над головой с неба сорвалась звезда, и полетела к горизонту, оставляя за собой яркий свет.

Где-то вдалеке раздался хруст надломленной ветки.

Из кинотеатра Ивана сразу же доставили в городскую больницу. По дороге, пока карета скорой помощи громким сигналом требовала освободить дорогу, он звал отца. В приемной, перед процедурами, врач долго всматривался в лицо Ивана, пытаясь что-то вспомнить.

– Водитель? – спросил он у Лизы.

– Механик на автобазе, – устало покачала головой Лиза.

– Автобус раньше водил?

– Вроде водил.

Врач лично приступил к осмотру этого интересного пациента. Контролировал сбор анализов, досконально изучал снимки МРТ, пытаясь отыскать на снимке какое-нибудь темное пятнышко – аномалию, отвечающую за сбой здорового организма. Но опять же – ничего. Оставалось только руками развели. Иван очнулся таким, какими были все анализы и результаты обследования. Абсолютно здоровым. У ушах не звенит, перед глазами не скачет. Легкая хромота после аварии и зрение минус один, не в счет.

Единственной зацепкой была потеря отца в детстве. Пока врач нетерпеливо топтался возле дверей, психолог два часа интересовался внутренним миром Ивана, ворошил, переворачивал, рассматривал его со всех сторон опытным взглядом. Вдоль и поперек перекрутил, как кубик Рубика, но так и не собрал. Больше всего его интересовал тот факт, что первый приступ длился, по словам матери, три минуты. В этот раз Иван был в «отключке» около часа. И это не могло не беспокоить.

Вечером Ивана накормили больничной едой, и врач с грустью проводил его до выхода без каких-либо симптомов душевного расстройства с наказом, перечь себя. От чего беречь? От всего. Воздерживайтесь от любых излишеств. И в кинотеатры лучше не ходить.

Зато он на некоторое время прославился в городе. Критики в газетах писали: фильм оказался настолько плохим, что зрителя во время сеанса «заколотило от этой безвкусицы». И рядом фото Ивана. Теперь ему стали звонить коллеги, интересуясь, что он думает по поводу того или иного фильма. Больше всех в этих розыгрышах преуспела, естественно, Шура. Уж она-то оторвалась по полной.

Только Ивану было не до шуток. Лиза порвала с ним.

– Да ты постоянно куда-то смотришь, и не докричишься до тебя, – объясняла она свою позицию, – а теперь еще – это. А дальше что будет?

А он не знал, что будет. Так ему плохо не было даже по-

сле первой аварии в прошлом и второй, которая произойдет с ним в недалеком будущем.

– Как же так, Шура, – плакал пьяный Иван на дне автомобиля, размазывая сопли по лицу, – я же хороший.

– Вы самый лучший, – сопричастно рыдала пьяная Шура у него на плече, – а вот она – плохая, если самоустранилась и оставила мужика один на один с его бедой. Да какого мужика? Огнеупорного!

После такого эпитета Ивану несколько полегчало. Взвесив на утро все «за» и «против», он пришел к выводу, что трагедии, как таковой, не произошло. Свято место пусто не бывает. Правда, он еще пытался несколько раз позвонить Лизе, но постоянно натываясь на холодные гудки, решил оставить эту затею. Немного попереживал, немного пострадал, и ушел с головой в работу так, что все задатки будущего директора разом выплыли наружу и не остались незамеченными у руководства. На горизонте замаячило повышение, скажем Елизавете спасибо. Если бы не она...

Вот тогда-то сотрудники, чтобы человек не сгорел на работе, и решили свести его с женщиной, во что бы то ни стало. И подошли к поставленной задаче очень ответственно. Было предложено много кандидатов, коллеги старались, как для самих себя. Но бухгалтер, как подходящий вариант, появилась только через пять лет.

То утро не предвещало ничего плохого.

– Можно, Иван Витальевич? – Шура заглянула в кабинет начальника, а вместе с ней – суета, неразбериха и головная боль.

– Александра, – демонстративно вздохнув, сказал тот, и закрыл глаза ладонью – ты меня реально заколебала.

– Я по очень важному делу, – заверила Шура, закрывая за собой дверь.

– А у тебя других и нет. Я скоро твой телефон заблокирую, клянусь.

Шура присела на стул перед столом начальника и доверительно посмотрела в его глаза.

– Я тут подумала, – она кивнула, подтверждая, что это так и было, – вам надо жениться.

Иван ошарашено посмотрел на нее несколько секунд, потом схватил со стола карандаш и швырнул в девушку. Очень легонько, для профилактики.

– Была бы ты мужиком, я бы тебя послал, куда подальше.

– Иван Витальевич, – поспешно проговорила Шура, ничуть не смущаясь, – дайте мне пять минут, и на этой неделе вы меня не увидите.

Предложение было таким заманчивым, что Иван даже не стал задумываться.

– Говори, и проваливай до следующей недели.

У Шуры радостно блеснули глаза:

– Теоретически, вы не против жениться?

– Я в принципе не против жениться, но то, что вы мне под-

совываете, меня не устраивает. Не спорю, возможно я шибко придиричив.

– То, что мы вам подсовывали до этого, до идеала не дотягивало. Но вот в бухгалтерии есть как раз то, что вам нужно.

Ивану не пришлось долго думать:

– Варя?

– Она, – радостно воскликнула Шура, – женщина, что надо.

– Не пойдет, – возразил Иван.

– Почему это? – осведомилась Шура.

– Не важно.

– Мои драгоценные пять минут истекают.

Иван вздохнул.

– Варя, конечно, хороша и как сотрудник и как товарищ...

– Но?

– Но вот имя...

– А что имя?

– Старое у нее имя. Вы бы еще Степаниду какую-нибудь предложили. Шура, ну в самом деле – Варвара. Ну что это за имя?

– Иван, тоже достаточно старое имя.

– Но до сих пор распространенное. Не какой-нибудь там Сигизмунд. А тут – то ли варешка, толи варвар. Две буквы «р», не выговоришь. Достали из старого сундука, потряхнули от пыли и явили всему миру. Архаика, одним словом.

Шура удивленно подняла брови.

– Вам бы книжки писать.

– Я отчет пишу. Так что, проваливай до следующей недели. Хоть отдохну от тебя немного.

Он демонстративно надел очки и уставился в бумаги.

– Разговор окончен, увидимся в понедельник, – и показал Шуру язык.

Шура немного помолчала, обдумывая ситуацию.

– Имя, это единственное, что вас не устраивает?

– В принципе, да, – осторожно кивнул Иван.

– Тот факт, что у нее ребенок есть, вас не пугает?

– Все мы когда-то были детьми. Дети – это наше все.

– А в остальном, вы бы не отказались с ней сходить куда-нибудь после работы?

– Ну... наверное, – пожал плечами Иван, и тут же подозрительно прищурился, – в чем подвох?

Шура приподнялась и загадочно улыбнулась:

– Я уже сказала Варе, что вы ее будете ждать на выходе после шести.

– Что ты сделала? – привстал Иван.

Шура, все также радостно улыбаясь, отступала к двери.

– Что у вас сегодня свидание.

– Врешь!

Но Шура не была бы собой, если бы не сделала этого.

– А я знала, что вы окажитесь. Мой приход был изначально бессмыслен. Зато отдохнете от меня.

– Я не пойду.

Шура игриво развела руками:

– Ну вот, обнадежили одинокую женщину, и в кусты. Как вы теперь в глаза будете ей смотреть?

– Да я ей все объясню.

– Сразу и про имя объясните, – Шура взялась за ручку двери, – и про сундук и про пыль. У вас нет шансов.

– Прекрати!

– Не-а, – хулиганка показала язык и открыла дверь.

– Да я лучше на тебе женюсь, – попытался Иван прибежать к всемогущей силе юмора, – или, в крайнем случае, замуж выйду.

Шура показала правую руку с кольцом на безымянном пальце и видя обреченное выражение лица Ивана, сказала ободряющим тоном:

– Да ладно вам. Сходите в кафе, чай с пирожками попьете. А там видно будет. В ЗАГС вас никто не тащит.

Шура сделала шаг за порог.

– Стой, – измученно сказал Иван, сел и обхватил голову руками.

Шура отпустила ручку, с надеждой глядя на начальника.

– Вернись.

Шура не спеша подошла к столу, готовая, в случае опасности, побежать к двери.

– Садись.

Шура осторожно опустилась на краешек стула.

Иван сцепил кисти рук в замок и прижался к ним щекой,

глядя в сторону. Поразмыслив некоторое время, он обреченно откинулся на спинку стула.

– Ты хоть Расскажи, что ей нравится, что нет. Какие пирожки предпочитает?

И-и-и потяну-у-улись годы самого нелепого ухаживания в истории человечества. Уникальная пара – одна потеряла мужа, другой ни разу не женат. И сколько было часов неловкого молчания из-за отсутствия общих интересов, замкнутости Вари, и неспособности Ивана сказать хоть какой-нибудь комплимент. И это при том, что они работают на одном предприятии и тому для общения, при желании, всегда можно найти. В такие минуты у Шуры уши пылали огнем. Но все же Иван решил не сдаваться. Ухаживания продолжались, отношения крепчали. Пару связывали все новые и новые ниточки. Немногословные встречи перешли в привычку. Свидания стали чаще и доверительнее. На то, что иным людям хватает пары дней, Ивану и Варваре понадобились несколько лет. Тем крепче и нежнее становились их отношения. Уже весь коллектив ждал объявления помолвки, но Иван не спешил.

В тот год зима долго стояла в нерешительности на пороге, потом вдруг осмелела, ворвалась в город и стала раскидываться снегом на право – налево. Гулять, так на полную катушку. Мерзлая черная голая земля, местами покрытая тонким слоем инея, моментально преобразилась, приобрела

вид, более подходящий для этого времени года. Не за горами елки, гирлянды и бенгальские огни.

Вечер зажег уличные фонари. Засыпанная снегом автобаза опустела, за исключением охранника на входе и Ивана у себя в кабинете. Начальник всего здания... играл в гонки. Его виртуальный болид летел по трассе, а сам пилот увлеченно стучал по клавиатуре, нецензурно выражался и излучал искреннюю детскую непосредственность. Любит человек машины, что с него возьмешь? Для тридцатилетнего это вполне нормально. Дела сделаны, неисправности устранены, склады не пустуют, техника на ходу – пусть отвлечется. Хотя в его квартире таких забав тоже хватает.

Вот только на очередном повороте, когда уже полтрассы было пройдено, у него потемнело в глазах, и за сотую долю секунды Иван понял, что сейчас произойдет путешествие туда, куда нормальные люди стараются не заглядывать.

С момента последнего визита прошло несколько лет, но это место оставалось таким же, как и раньше. Даже зима из реального мира здесь не имела никаких прав. Летние каникулы, оставленные в далеком прошлом, вернулись. Хмурые молчаливые сосны стояли по обе стороны дороги. Ночное небо возвышалось над лесом, а на небе звезды, созвездия, планеты и Луна. И все это сверкает и переливается. Быстро пролетела звезда.

А Иван, взрослый человек в теле семилетнего ребенка, стоит на обочине возле дорожного знака, на том самом ме-

сте, где его оставил отец, оправившись в свою последнюю поездку. Стоит и не понимает, с какой целью он появляется здесь, но предполагает, что вот-вот должна произойти встреча. Но вот, с кем?

— Папа! — крикнул Иван, потому что надо было что-то делать.

Где-то раздался хруст надломленной ветки. Потом еще и еще.

Может, встреча будет с тем, кто приближается к нему из глубины леса. Кто-то опасный идет к дороге, и в том, что он опасный, сомневаться не приходится. Только такой может приходить ночью из темной чащи леса. Друзья так не поступают. Хруст веток становится отчетливей и громче. Этот кто-то даже не пытается подкрасться к Ивану незаметно. Нет, он идет уверенно и открыто, напролом. И у него не очень много времени, и он это понимает, потому что к Ивану спешит помощь. А помощь спешит, потому к Ивану что-то приближается из леса.

Далеко на дороге, потонувшей в ночной мгле, мелькнула пара автомобильных фар. Послышался еле слышный сигнал. Автомобиль мчится на всех порах и Иван знает, кто сидит за рулем. Одновременно с появлением автомобиля, существо из леса ускорило шаг. Становилось все интереснее. И не желая быть безучастным в происходящих событиях, где возможно, решается его судьба, Иван побежал навстречу отцу. Побеждать противника лучше всего сообща.

Но когда между ними оставалось три сотни метров, там, дальше по дороге, мелькнула еще пара фар. Кто-то мчался следом за отцом, и он был не лучше того, кто ломился сквозь чащу. Количество участников стало равным – двое на двое. Вроде бы все честно, но Ивану от этого легче не стало. Он-то ребенок. Его скорость невелика, и это никто не стал учитывать.

Расстояние сокращалось между всеми участниками. Скоро возникнет точка встречи. Иван задействовал запас своих сил...

...и открыл глаза, изумленно глядя на потолок своего рабочего кабинета. Вначале он учащенно дышал, но вскоре понял, что это не обязательно. Пока маленький Иван спасал свою жизнь, взрослый в это время пассивно лежал на полу. Но волнение улеглось не сразу. Сложно привыкнуть к прыжкам из одной реальности в другую.

Иван осторожно встал, морщась от боли в затылке, потер ушибленное место, оглянулся назад. Еще немного и ударился бы об батарею. Поднял перевернутый стул, убедился, что он целый. Взглянул на часы. На этот раз он отсутствовал около восьми часов, хотя ему показалось, что прошло минут десять.

Утро только начиналось, до рабочего дня еще два часа. Игра проиграна, голова болит от удара. Но главное, что он решил для себя – следующий приступ-скачок-путешествие будет последним, что бы это для него не значило.

Ну, по крайней мере, я не в больнице, подумал Иван и с воодушевлением взялся за игру.

Листопад только-только набирал силы. Сухие желтые листья уже лежали на земле, но на деревьях еще было полно живой зелени. Для осени предстояло много работы. А вот люди в этот день отдыхали.

Воскресенье, сорок лет, ресторан.

Вечер только начинался, уличные фонари еще не зажглись. Столы стояли накрытые, а приглашенные все тянулись и тянулись. Не спеша сдавали вещи в гардероб, долго разглядывали себя в зеркало. Общались между собой и обсуждали последние новости. Пока одни приглашенные приходили, другие выбегали на улицу покурить. Шура сбилась с ног, собирая гостей и бегая на кухню, куда посторонним вход запрещен, постоянно критикуя поваров и официантов за нерасторопность и непрофессионализм. Те только закатывали глаза и покорно соглашались, лишь бы поскорей избавиться от этой сумасбродной женщины. «А я с ней вот так мучаюсь уже несколько лет», улыбнулся Иван. Именинник сидел во главе стола и с интересом разглядывал всю эту суматоху. Суета сует, было бы из-за чего.

Вошла вся бухгалтерия во главе с Варварой. Пока женщины чинно рассаживались по местам, Варя улыбнулась Ивану. То слегка кивнул головой.

– Товарищи, – Шура давно и прочно захватила роль веду-

щей на все торжествах, – проходим, рассаживаемся, не стесняемся.

Она повернулась в сторону гардероба:

– Геннадий Иосифович, разденьте уже свою супругу! А то другие мужчины сейчас подойдут и помогут!

Задвигались стулья, зазвенели столовые приборы. Иван вздохнул и пододвинул свой стул к столу. Погрозил пальцем некоторым лицам, предупреждая, что завтра рабочий день. Те согласно кивали и хитро улыбались.

– Уважаемый Иван Витальевич! – начала Шура с бокалом вина в руке, – от всего коллектива хочу поздравить вас с юбилеем и сказать, что вы самый замечательный начальник из всех начальников.

Присутствующие согласно закивали, Иван смущенно улыбнулся, но возражать не стал.

– И перед тем, как мы все дружно поднимем бокалы за ваше здоровье и долголетие, я хочу нарушить многолетнюю традицию и сделать вам подарок.

– Я его выкину в окно, – грозно предупредил Иван, – максимум согласен на фейерверк.

– Как хотите, – пожала плечами Шура, – подарок ваш, делайте с ним все, что посчитаете нужным.

Она подошла к имениннику и протянула конверт и упакованную в подарочную фольгу прямоугольную вещь. С конвертом было все понятно.

– Это книга? – спросил Иван.

– Посмотрите, – улыбнулась Шура и направилась к окну.

Коллеги уже не раз были свидетелями стычек Шуры и Ивана Витальевича, от споров шепотом до почти мордобоя, и их часто неожиданным исходом. Тем не менее, для всех было неожиданностью, когда Шура широко распахнула занавески и открыла настежь обе оконные створки, запустив в помещение свежий вечерний воздух. Подбежавший официант был остановлен властным движением руки.

– Это чтобы подарок выкинуть, – пояснила Шура.

Официант озадаченно кивнул головой.

Иван только усмехнулся очередной выходке девушки и небрежно сорвал красный бант и серебристую обертку. Приглашенные гости привстали с мест, некоторые понимающе улыбались.

Это был групповой портрет всего коллектива, сделанный несколько месяцев назад на фоне их родной автобазы. Коварная Шура заранее оповестила сослуживцев, всех уговорила, некоторых заставила, двоих вытянула из отпуска, одного сама привезла из больницы. С какой целью это было сделано, никто даже не догадывался. А потому все отнеслись к этому несерьезно и безответственно – строили рожи, высывали языки, ставили соседу «рога». Да и сам начальник в центре снимка, как не старался, не смог скрыть улыбку. По прошествии времени это событие у всех стерлось из памяти. Тем роднее и дороже для Ивана были эти лица, эти люди, которые пойдут за ним хоть на край света, и за кото-

рых он любому перегрызет глотку.

Ох уж эта Шура, сегодня она превзошла саму себя. И чтобы скупая мужская слеза не выдала его чувства, Иван взял в руки конверт, показушно-шутливо пощупал его и удовлетворительно кивнул. После чего оглянулся, встал и направился к ближайшему свободному столику, чтобы положить подарки.

Мгновенная смена кадра. Ранний вечер сменился лунной ночью. Уютный зал ресторана – угрюмым молчаливым лесом. Запах приготовленных блюд – ароматом смолы и багульника. Большое количество людей – тревожным одиночеством. Подарки растворились в руках, взрослый стал ребенком.

Ну вот, – подумал Иван, оглядываясь без особого удивления, – опять я здесь. И всех гостей напугал, наверное.

И не теряя времени даром, он побежал вдоль дороги, в ту сторону, откуда уже едет отец на своем автомобиле. Над головой, как ориентир движения, пролетела звезда. Что здесь происходит, Ваня еще не знал, но было ясно – сегодня все разрешится. Так же было очевидно, что времени у него в обрез. Где-то в чаще послышался хруст веток – кто-то недобрый тоже не стал медлить и бросился следом.

Как хорошо, что в ту далекую ночь светила луна. Вот и сейчас она добросовестно освещает путь, и даже тени сосен, лежащие на дороге, не могут утопить асфальт в крошеч-

ной темноте. Да и дорога была той же – разбитой и покaleченной настолько, что ей можно жаловаться на свою судьбу. Учитывая, что за лесом она еще хуже.

Ваня выбежал на середину дороги, где хорошо видимая разделительная полоса белым пунктиром уходила вдаль. Сквозь учащенное дыхание и топот ног по асфальту, он ясно слышал шум погони. Все бы нечего, но сможет ли семилетний ребенок быть достойным соперником своему преследователю? Да и человек ли это, возмущенный неожиданным появлением Вани в ночном лесу? Данные вопросы интересуют исключительно автора – маленький герой повествования просто убегает от опасности навстречу своему отцу.

За спиной послышался отчетливый топот, существо выскочило на дорогу. И если преследователь ясно видит свою цель, то Ваня несется в темноту, вооруженный только надеждой.

Но вот вдали, где дорога растворяется в ночной темноте, блеснул свет фар. Потом послышался далекий автомобильный сигнал, а за спиной раздался жуткий рассерженный крик. Топот ног за Ваниной спиной участился. Погоня изначально была не на равных. Но если скорость мальчика была не очень большой, то спешащий навстречу автомобиль выкладывался на полную. И хотя электрический свет фар не несет с собой тепло, Ваня чувствует, как ночная прохлада отступает. Да он и сам тонет в этом свете.

Раздался визг тормозов. Автомобиль отца, теперь уже ра-

ритетный, остановился, окутанный дымом от жженных покрышек. Ваня не мешкая открыл дверь и запрыгнул в салон. На водительском месте сидел отец, живой и здоровый. От увиденного у Вани на глазах навернулись слезы. Все как тогда, будто и не было этих лет. Он потянулся к отцу.

– Лучше пристегнись, – голос отца дрожал, но сейчас не время для объятий.

Ваня щелкнул замком ремня безопасности и автомобиль сорвался с места. На мгновение в свете фар появился его преследователь. Он отпрыгнул в сторону, едва не попав под колеса. Очень похожий на человека, но что-то в нем было нечеловеческим. Что – Ваня не успел разглядеть, но ледяные мурашки пробежали по спине. С таким чувством просыпаются после кошмара – было страшно, но что, не понятно.

Ваня посмотрел на отца. За все эти 33 года он ничуть не изменился. Все такой же – любимый, надежный и живой. Чуть грубый. Хотя в этом мире и Ваня выглядит мальчишкой. И голос, которым он спросил отца, тоже детский.

– Ты куда пропал?

Отец невесело усмехнулся.

– В болото упал. На повороте занесло, – он тяжело вздохнул, – и чего погнался, сам не понимаю. Засосало в два счета.

Какие только версии не возникали по поводу пропажи отца, все передумали, но только не это.

– Может тебя надо поднять как-нибудь да похоронить по-человечески?

– Не надо меня ниоткуда поднимать, – возразил отец, – будешь в тех местах, можешь посигналить, этого вполне достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.